

Сюда ведет лишь одна дорога.

А отсюда – ни одной...

Блейк Крауч

СОСНЫ

Город в Нирге

Wayward Pines

МОСКВА
2017

УДК 821.111-312.9(73)
ББК 84(7Сое)-44
К77

Blake Crouch
PINES

Copyright © Blake Crouch, 2012.
This edition published by arrangement with InkWell
Management LLC and Synopsis Literary Agency

Крауч, Блейк.

К77

Сосны. Город в Нигде / Блейк Крауч ; [пер. с англ. А. В. Филонова]. — Москва : Издательство «Э», 2017. — 416 с. — (Город в Нигде. Кинообложка).

ISBN 978-5-699-96658-5

Специальный агент Секретной службы США Итан Берк приходит в себя в больнице захолустного городка в штате Айдахо – и понимает, что не помнит ничего. Ни кто он, ни как попал сюда, ни что с ним случилось. Сбежав из больницы, Берк бродит по городу с романтическим названием Заплутавшие Сосны – и постепенно обретает память. Его послали сюда с целью отыскать двоих коллег, бесследно пропавших некоторое время назад. Но на въезде в город Итан попал в автоаварию – и на этом воспоминания обрываются. Он пытается связаться с местными властями, а через них – со своим начальством, но это у него не выходит. Тогда он пробует покинуть город – но и здесь терпит неудачу: паразитально, но все дороги из Заплутавших Сосен ведут обратно. Итан понимает, что с городком что-то очень сильно не так...

УДК 821.111-312.9(73)
ББК 84(7Сое)-44

© Филонов А. В., перевод
на русский язык, 2014
© Издание на русском языке,
оформление.
ООО «Издательство «Э», 2017

ISBN 978-5-699-96658-5

Несмотря на свидетельства того, что эволюция человечества идет по-прежнему, биологи едины во мнении, что остается лишь гадать, куда она нас заведет.

*Журнал «Тайм»,
23 февраля 2009 года*

То, что ты параноик, вовсе не значит, что тебя не преследуют.

Джозеф Хеллер

Глава 1

Он очнулся, лежа на спине, под солнечным светом, бьющим в лицо, под шум воды, бегущей где-то по соседству. Оптический нерв пронзала блистательная боль, а в основании черепа неустанно, но пока безболезненно пульсировали отдаленные раскаты грома подступающей мигрени. Перекатившись на бок, он оттолкнулся, перейдя в сидячее положение, спрятав голову между коленей. Ощутил неустойчивость мира задолго до того, как распахнул глаза, словно его ось сорвалась на дребезг. При первом вдохе почувствовал, будто кто-то вгоняет стальной клин между верхними ребрами левого бока, но, со стоном продравшись сквозь боль, с усилием открыл глаза. Левый глаз, должно быть, совсем заплыл, потому что смотрел как через щелку.

Зеленейшая трава, какую он только видел — целый лес длинных, мягких былинки, — сбегала к берегу. Чистая, стремительная вода бурлила среди валунов, торчащих из потока. За рекой — вознесшийся на тысячу футов утес. На уступах — растущие кучками

сосны, воздух напоен их ароматом и свежестью проточной воды.

На нем черные брюки и черная куртка с оксфордской рубашкой под ней; белый хлопок забрызган кровью. Под воротником болтается черный галстук с почти распустившимся узлом.

При первой попытке встать колени подломились, и он плюхнулся обратно — достаточно жестко, чтобы послать через грудную клетку вибрации жгучей боли. Вторая попытка увенчалась успехом, и он обнаружил себя шатко, но стоящим на земле, вихляющейся под ногами, как палуба корабля. Медленно обернулся, шаркая ногами и расставив их пошире для равновесия.

Спиной к реке, он стоял на краю открытого поля. В дальнем конце под перекальным светом полуденного солнца блестели металлические поверхности детских качелей и горок.

Вокруг ни души.

За парком он углядел викторианские дома, а еще дальше — здания главной улицы. Городишко от силы с милю в поперечнике угнездился посреди каменного амфитеатра, окруженный скальными стенами, возносящимися на несколько сотен футов с каждой стороны, состоящими из красных слоистых пород. В высочайших, погруженных в тень закоулках горы сохранился снег, но здесь, в долине, тепло, на кобальтово-синем небе над головой ни облачка.

Проверил карманы брюк, потом — своего однобортного пиджака.

Ни бумажника. Ни зажима для денег. Ни документов. Ни ключей. Ни телефона.

Только маленький швейцарский армейский ножик в одном из внутренних карманов.

* * *

Пока добрался до другого края парка, у него прибавилось и бодрости, и недоумения, а пульсация в затылочной части позвоночника уже утратила болезненность.

Он знал шесть вещей:

Имя нынешнего президента.

Как выглядит лицо матери, хотя и не мог припомнить ни ее имени, ни даже звучания ее голоса.

Что он умеет играть на фортепиано.

И водить вертолет.

Что ему тридцать семь лет.

И что ему нужно в больницу.

Помимо этих фактов, весь мир вообще и это место в частности были настолько же непостижимы для него, как именовслов на неизвестном языке. Он чувствовал, что истина маячит где-то на периферии сознания, но вне пределов досягаемости.

Он шагал по тихой улице жилого района, внимательно приглядываясь к каждому автомобилю по пути. Не принадлежит ли один из них ему?

Дома, обращенные фасадами друг к другу, выглядели девственно чистыми — свежевыкрашенные,

с безупречными квадратиками яркой травы, обнесенные штaketными заборчиками, с фамилиями домовладельцев, выписанными белыми печатными буквами сбоку на черных почтовых ящиках у каждого. Почти в каждом заднем дворе виднелся трепетный садик, буйствующий не только цветами, но и овощами, и фруктами.

Все цвета так чисты и насыщены.

Ходьба давалась с трудом, и на полпути через второй квартал он скривился, совсем запыхавшись; боль в левом боку заставляла то и дело останавливаться. Сняв пиджак, выправил рубашку из брюк, расстегнул и распахнул ее. Выглядело даже хуже, чем ощущалось, — вдоль всего левого бока расплылся темно-лиловый синяк, опоясанный пограничной полосой чахоточной желтизны.

Что-то его ударило. Крепко.

Легонько провел ладонью по поверхности черепа. Головная боль прочно угнездилась там, становясь отчетливее с каждой минутой, но пальцы не нащупали никаких признаков серьезной травмы, не считая болезненности с левой стороны.

Застегнув рубашку, снова заправил ее в брюки и двинулся дальше по улице.

Вывод просто-таки вопил: его постиг какой-то несчастный случай.

Может, автомобильная катастрофа. Может, падение. Может, на него напали — тогда ясно, почему при нем нет бумажника.

Надо первым делом заявиться в полицию.

Вот только...

Что, если он переступил черту? Совершил преступление?

Возможно ли такое?

Может, следует выждать, поглядеть, не забрезжит ли что-нибудь в мозгу.

Хотя городок не казался ему даже отдаленно знакомым, он поймал себя на том, что, ковывая по улице, читает фамилии на всех почтовых ящиках подряд. Подсознательный рефлекс? Потому что где-то в недрах памяти он знает, что на одном из этих почтовых ящиков должна быть напечатана сбоку *его* фамилия? И что стоит ее увидеть, как все встанет на свои места?

В нескольких кварталах впереди над соснами возносились здания центра города, и он расслышал — впервые за сегодня — шум движущихся автомобилей, далекие голоса, гул систем вентиляции.

Вдруг он оцепенел посреди улицы, непроизвольно вытянув шею.

Воззрившись на почтовый ящик, принадлежащий красно-зеленому двухэтажному «викторианцу».

Воззрившись на фамилию сбоку.

Пульс начал учащаться, хоть он и не понимал, почему.

МАККЕНЗИ.

«Маккензи».

Фамилия не говорила ему ровным счетом ничего.
«Мак...»

Зато первый слог как раз говорил. А вернее, вызвал некий эмоциональный отклик.

«Мак. Мак».

Он что, Мак? Это его имя?

«Меня зовут Мак. Привет, я Мак, рад познакомиться».

Нет.

Привкус от имени на языке остался какой-то неестественный. Оно не воспринималось как принадлежащее ему. А если честно, так и вовсе вызывало неприязнь, потому что навевало...

Страх.

Как странно. По какой-то причине это слово внушило страх.

Может, увечья ему нанес некто по имени Мак?

Он двинулся дальше. Еще через три квартала вышел на угол Главной улицы¹ и Шестой, где уселся на скамейку в тени и сделал медленный, осторожный вдох. Поглядел вверх и вниз по улице, отчаянно отыскивая взглядом что-нибудь знакомое.

Ни одного сетевого магазина в пределах видимости.

---

¹ Можно именовать ее и «Мейн-стрит», но тогда некоторые смысловые нюансы потребуют совершенно неуместных интеллектуальных усилий (см. следующий комментарий). — *Здесь и далее: прим. пер.*

По диагонали от скамейки виднеется аптека.

Рядом кафе.

Трехэтажное здание возле кафе с вывеской над крыльцом:

ОТЕЛЬ «ЗАПЛУТАВШИЕ СОСНЫ»¹

Запах кофейных зерен повлек его со скамейки. Подняв взгляд, он увидел в полуквартале от себя заведение под названием «Ароматный парок», откуда тот, должно быть, и доносился.

Гм-м.

Может, и не самые полезные сведения, учитывая все обстоятельства, но в сознании забрезжило, что он любит хороший кофе. Жаждет его. Еще один крохотный фрагмент головоломки его собственной личности.

Дойдя до кафе, он потянул на себя затянутую сеткой дверь. Небольшое своеобразное кафе, и, судя по запаху, варит грандиозный напиток. Бар в дальнем углу справа сверкает эспрессо-машинами, кофемолками, миксерами, бутылками сиропов. Три табурета заняты. У противоположной стены выстроилась гор-

---

¹ Хотя по правилам топонимики следовало бы называть и населенный пункт, и гостиницу вслед за ним «Уэйуорд Пайнз», перевод куда уместнее. Во-первых, чтобы с этим названием русскоязычному читателю было так же комфортно, как читателю англоязычного оригинала, не напрягая каждый раз сознание, чтобы уловить авторские аллюзии, а во-вторых, русская транслитерация «Уэйуорд» представляется затруднительной как для глаза, так и для уха.

стка диванов и стульев. Полка с истрепанными книжками в бумажных обложках. Два старикана за шахматной доской ведут сражение разношерстными фигурами. Стены демонстрируют образчики местного творчества — ряд черно-белых автопортретов какой-то дамы среднего возраста с выражением лица, не меняющимся от снимка к снимку ни на йоту. Меняется только фокусировка камеры.

Он подошел к кассе.

Когда двадцати-с-чем-то-летняя бариста с белокурыми дредами наконец углядела его, в ее красивых глазах промелькнуло что-то сродни ужасу.

Знает ли она меня?

Поймав свое отражение в зеркале за стойкой, тотчас же сообразил, что вызвало ее отвращение, — левая сторона лица обратилась в сплошной синяк, левый глаз вздулся, заплыв почти напрочь.

Боже мой. Кто-то избил меня в хлам.

Если же закрыть глаза на этот чудовищный синяк, он даже недурен собой. На глазок футов шесть, а то и шесть с дюймом¹. Короткие черные волосы, на подбородок и щеки тенью легла двухдневная щетина. Крепкое, мускулистое телосложение очевидно и по тому, как сидит на плечах пиджак, и по туго натянувшейся на груди рубашке. Ему пришло в голову, что по виду он похож на работника рекламы или маркетинга — наверное, чертовски привлекателен, когда побреется и наведет лоск.

---

¹ То есть 183—185 см.

- Что вам подать? — осведомилась бариста.
Он убил бы за чашку кофе, но в карманах ни гроша, и ни малейшего понятия, как его зовут.
- Вы тут варите хороший кофе?
Вопрос девушку вроде бы озадачил.
- М-м... ага.
— Лучший в городе?
— Это единственное кафе в городе, но, ага, наш кофе дает жару.
- Вы меня знаете? — шепнул он, перегнувшись через стойку.
— Простите?
— Вы меня узнаете? Я сюда когда-нибудь заходил?
— А вы что, не знаете, бывали ли здесь прежде?
Он покачал головой.
- Она мгновение разглядывала его, будто оценивая его искренность, пытаясь определить, не сумасшедший ли этот тип с побитой физиономией и не вешает ли он ей лапшу на уши.
- И наконец сказала:
- Не думаю, чтобы видела вас прежде.
— Вы в этом уверены?
— Ну, в Нью-Йорке дело обстояло бы иначе.
— Справедливо. Вы давно тут работаете?
— Чуть больше года.
— И я, типа, не местный?
— Вы определенно не местный.
— Можно спросить кое-что еще?
— Разумеется.